ТАГАНКА

"Мастер и Маргарита".

ВСЕ НОЧИ, ПОЛНЫЕ ОГНЯ

История развивается по спирали, в финале часто повторяя начало. Во всяком случае, Театр на Таганке, родившийся 35 лет назад спектаклем "Добрый человек из Сезуана", сегодня выдает его римейк. И правильно: новое поколение должно разбираться не только в пепси, но и в лучших образцах нашей культуры.

За эти 35 лет "Таганка" знала успех, запреты, партийный контроль, гонения, высылку из страны, головокружение от демократии и растерянность от нее же. Заплатила серьезную цену за право не врать в тоталитарном государстве. Испытала опустошение, разочарование и растерянность в новом времени. Раскол, скандал, суды... Но, что бы ни происходило в ее жизни, она всегда жила на пределе, на грани, на острие. Хорошо это или плохо? Серьезно или смешно? Глупо или честно-наивно? Покажет только время, которое предаст забвению или сделает легендой...

Но не легенда, а факт истории — то, что студенческий спектакль "Добрый человек из Сезуана" сначала запретили с известной формулировкой: "Народ не поймет". И разрешили только потому, что этот самый народ, от имени которого, как известно, дорожала колбаса, одобрил "Доброго человека". Во всяком случае, работяги с московского завода, согнанные в Щукинское училище для осуждения, неожиданно сообщили, что спектакль им понравился. После этого пленида гонимых неотступно следовала за молодым театром. За что? За зонг вроде:

Власть исходит из народа.
Но куда она приходит?
До чего ж она доходит?
...Власти ходят по дороге.
Кто лежит там на дороге?
Кто-то протянул тут ноги,
Труп какой-то на дороге!
...Э, да это ведь народ...

Сегодня даже смешно, что за это могли преследовать. Сегодня про власть не говорят — ее поносят. Возможность поносить — говорить и писать то, что думаешь, — честно говоря, обеспечили "Таганка" и "Современник"...

Вот несколько документальных образчиков того, как идеологическая машина коммунистов любила придушить искусство. Спектакль "Павшие и живые" (1965 год) был о войне. Вот какие замечания директивно спускались в театр:

"Директору Театра драмы и комедии
тов. Дупаку Н.Л.
Главному режиссеру театра, заслуженному
артисту РСФСР
тов. Любимову Ю.Л.

Главное управление культуры Исполкома Моссовета направляет Вам замечания по спектаклям "Послушайте" и "Павшие и живые". Просьба в недельный срок сообщить нам, какие изменения и поправки будут внесены в спектакль в соответствии с этими замечаниями.

Несмотря на то что театр в свое время, после серьезной критики и требований, внес в спектакль ряд корректив и поправок, но в нем так и не показано главное, что обеспечило нашу победу над фашизмом. Что эта победа выковывалась прежде всего не в страданиях, а в организованной волею Партии, великой и стойкой борьбе. Трактовка поэтических и жизненных судеб молодых поэтов-воинов грешит односторонностью. Упор в представлении сделан на физических и нравственных страданиях одиноких людей в войне, на их обреченную жертвенность. Не показана, не выявлена трезвая всеохватывающая ясность цели, рожденная любовью к Отчизне. Оказалось нарушенным чувство меры и исторической правды. Это обусловило то, что этот реквием не озарен мажорными интонациями, радостью победы над фашизмом, лишен величественности. Он окрашен мрачным страдальческим колоритом. Нельзя народ, взравшийй великую социалистическую литературу, представлять лишь в одном эпизоде, да и то как грубую физическую силу.

В силу этого в спектакле возникает не образ матери-Родины, а — "злой мачехи". В спектакле неверно показано, что якобы в нашей молодой поэзии предвоенных сороковых годов царила затхлая атмосфера, в которой душилось все живое, истинно талантливое.

Все это выдвигает необходимость... исключить фрондерские стихи, вроде "Ура, ура — давай угля", "Почему неспокоен Иртыш при советской власти", стихи Б.Пастернака "Русская революция". Фронтовые дневники М.Гершензона не пригодны для целей показа истинных одухотворенных героев войны. Необходимо освободить текст от более чем сомнительного рассуждения о суп и характере русской революции. Образ Гитлера в трактовке театра выглядит грубо карикатурным, буффонадно-трюковым, к тому же явно выбивается из решения спектакля, и, кстати сказать, играется он непрофессионально, любительски".

А вот критика на спектакль "Послушайте", посвященный жизни пролетарского поэта Владимира Маяковского:

"Нельзя не отметить, что уже в первом действии, особенно во второй его части, недостаточно ярко отражена роль поэта как борца за боевую политическую поэзию пролетариата, то, что он навсегда связал себя с рабочим классом и партией. Театр сделал все, чтобы создать впечатление, что гонение на Маяковского сознательно организовано и направлено "не бандой поэтических рвачей и выжиг", не клоакой обывателей-"интеллигентиков", а органами, представителями и деятелями советской власти, официальными работниками государственного аппарата, партийной прессой. Выбор отрывков и цитат чрезвычайно тенденциозен. Например, обыватель Калягин с торжеством заявляет, что В.И.Ленин похвалил только одно стихотворение Маяковского "Прозаседавшиеся", а вообще вождь ругал поэта, не любил его. Причем ленинский текст издевательски произносится из окошка, на котором, как в уборной, написано **"М"**.

Поэт предстает перед зрителями обозленным и затравленным бойцом-одиночкой. Он одинок в советском обществе. Разве правомерна такая абсолютно неверная, необоснованная и идущая только на вооружение наших врагов трактовка трагической гибели поэта? Дважды с подчеркнутым значением упоминаемые слова: "Очень много мерзавцев ходит по нашей земле" — в спектакле также носят двусмысленный характер. Вряд ли уместно цитирование следующих строк: "сказка-сверлка", "серпушка-молотушка", "скакал Семен Михайлович на серой кобыле".

Но не стоит делать из "Таганки" великомучеников большевистского режима — малосимпатичный, угрюмый образ. "Таганка" при всем при том была модная, успешная, со своими кумирами. Молодыми, талантливыми и веселыми были **Валерий Золотухин, Леонид Филатов, Николай Губенко, Зинаида Славина** и многие другие. Бесшабашная русская вольница и опасная дерзость артистов с Юрием Любимовым позволили в те годы создать живой театр, где публика вечно стояла у стен и в проходах, а первый "подставной" ряд ногами упирался в сцену.

А Высоцкий? Вспоминают такой эпизод.

— Идет репетиция — святое время для Любимова, когда мышь не имеет права пробежать, — рассказывает первый завлит "Таганки" **Элла Лежина.** — И вдруг к нему подходит Володя Высоцкий и сообщает, что, мол, вместе с Ваней Дыховичным на два часа нужно срочно уехать из театра. Он говорит так, что Любимов не может ему отказать, а после ухода Высоцкого разражается скандалом.

Куда же направился Высоцкий? Спасать Дыховичного, который в день свадьбы потерял все документы. Тогда Высоцкий вместе с горе-женихом нагрянул в отделение милиции:

— Ему надо паспорт за два часа.

— Надо?

— Надо, — твердо сказал Высоцкий. И пока за два часа Дыховичному выправляли документы, Высоцкий пел для милиционеров.

Таких историй всенародной любви к артисту — море. Многие склонны считать, что первая — полетная — жизнь театра кончилась с его смертью. И началась мучительная.

В 1984 году Черненко лишил Юрия Любимова гражданства. В 1989 году Горбачев вернул его. Самое интересное, что вопрос получения гостевой визы для режиссера решился на уровне Политбюро ЦК КПСС с перевесом в один голос. Абсурд совково-коммунистического маразма дошел до того, что визу экс-советскому гражданину дали чуть ли не тайно, в аэропорту Франкфурта.

Артист Николай Губенко, который сделал все, чтобы вернуть режиссера на родину, сделал немало, чтобы потом лишить его театра. Грязь борьбы за театр, которой его на два коллектива, каждый из которых значительное время демонстрировал творческую несостоятельность. Театральная трагедия сделала бывших друзей врагами, здоровых — больными, счастливых — несчастными. Говорят, что со временем пришло прозрение, и в кабинете Николая Губенко — худрука совсем не успешного театра "Содружество актеров Таганки" — висит портрет Любимова. Николай Николаевич все чаще озвучивает тайное желание примириться с Юрием Петровичем, который в последние годы, несмотря на преклонный возраст, демонстрирует творческую активность и выпускает в год по нескольку ценных спектаклей.

Как сложится дальше — знает только время.

Марина РАЙКИНА.
Коллаж Анатолия ГУБАНОВА.

"МК" благодарит Эллу ЛЕВИНУ, первого завлита "Таганки", за предоставленные документы и фотоматериалы.

Владимир ВЫСОЦКИЙ.

ОТИНОВА: Юрий ЛЮБИМОВ.

как дирижер оркестра

Стены знаменитого любимовского кабинета расписали друзья на разных языках. Есть пророческая фраза Беллы А.: "Даже Вася снял треух за любимовский триумф". У него есть медали: "За оборону Ленинграда" (1943), "За оборону Москвы" (1944), "За победу над Германией" (1945); ордена Трудового Красного Знамени, Великой Отечественной войны, Святого Константина.

— Юрий Петрович, в праздничный день 23 апреля вы показываете премьеру спектакля "Добрый человек из Сезуана" Брехта, ставшего в 1964 году символом обновления театрального стиля. Чем нынешний "Добрый человек" отличается от своего предшественника?

— В нем играют молодое поколение театра и "старики". 23-го на сцене — **Демидова, Хмельницкий, Золотухин, Васильев, Полицеймако** и новая исполнительница **Люба Селютина**, замечательная актриса. Правда, у нас сейчас такие времена, что никто никого не замечает, кроме самих себя. Власти заняты борьбой друг с другом — им не до искусства. А люди озабочены выживанием — им не до театра. Поэтому время, как говорят в "Добром человеке", таже-о-о-о-лое! Старушку в спектакле играет молодая актриса **Ирина Линдт**, только что поступившая в театр.

— Юрий Петрович, на репетициях вы строги и требовательны. Чувствительны ли "антенны" у молодого артистического поколения?

— Они совсем иного склада. Более раскрепощенные, может быть, чересчур разумно-холодные. Но они любят свою профессию, хотят в ней совершенствоваться. При этом занимаются молодые с увлечением. Скажем, в спектакле нужен стэп — сделают азартно и вполне профессионально. Нужны гимнастические сложные трюки для выражения характера — они все выполнят с удовольствием. Да, молодые рациональны, но им нужно выжить в труднейших условиях. Они все нищие. А нищий артист — это совсем нехорошо, прежде всего от этого страдает искусство.

— Не удивляйтесь моему вопросу, но, пожалуйста, раскройте, какие источники подзаряжают ваш профессиональный и человеческий "аккумулятор".

— Об этом надо спросить у господа Бога, моих родителей, моих прадедов и дедов. Когда есть время, хожу в сауну. А еще надо спросить у моей жены Кати. Каталина — венгерка и любит порядок. Человек она резкий, другого воспитания, а потому не понимает нашей безалаберности, отношения к делу по поговорке "Хоть кол ему на голове теши...". Катя обо мне заботится и сына из вида не выпускает. Петя сейчас учится в Англии. Ему уже 20 лет. Он гуманитарий. Знает пять языков: пишет и читает на иврите, знает венгерский, итальянский, русский изучает, но ему еще надо подтягиваться. Родной его язык — английский. Он учился несколько месяцев в Москве в институте, и чрезвычайно разочаровался: его угнетали запустение и наша грязь. Ростом он крупнее меня — 185. И 90 килограммов мышц. Хорошо плавает, бегает, играет в футбол, занимается бодибилдингом. Физически очень сильный.

— В общении с молодыми актрисами в спектаклях и на репетициях на сколько лет вы себя чувствуете?

— Я для них всегда учитель. Что сказать о самочувствии в их обществе? Жесткая профессия у меня. Если я помогаю им делать роли, значит, я хороший. Не могу помочь — значит я плохой режиссер и нечего мне с ними делать, пора отправляться на пенсию.

— Ожидаются ли на юбилей театра зарубежные гости?

— Прилетают и приезжают из разных стран. Из Италии — историк мирового театра, профессор Марчелло Галуччи, Орнелла Калваразе, специалист по русскому театру, в частности по творчеству Мейерхольда. Прибудут театральные деятели из Франции, Греции... Будет еще много сюрпризов.

— Ближайшая ваша зарубежная гастроль?

— В начале июня поедем в Японию с "Братьями Карамазовыми" на закрытие Всемирного Олимпийского фестиваля.

— Есть ли у вас страсть, которой вы гордитесь?

— Я очень люблю путешествовать. У меня, как у Онегина, "охота к перемене мест, весьма мучительного свойства...". Правда, пять лет я путешествовал вынужденно по прихоти советского правителя Черненко, который, не приходя в сознание, занял пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Заглянула секретарша и позвала Юрия Петровича на репетицию. Он сразу встал, оставил недопитый чай, снял пиджак, на ослепительно белую накрахмаленную рубашку с тугими манжетами надел вельветовую блузу и пошел в репетиционный зал...

Наталья ДАРДЫКИНА.

Моск. комсомолец – 1999 – 22 апр. – с. 3.